

Семен Соломонович Юшкевич

Улица

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Ю96

Ю96 **Юшкевич С.**
Улица / Семен Соломонович Юшкевич – М.: Книга по Требованию, 2023. – 109 с.

ISBN 978-5-521-39494-4

ISBN 978-5-521-39494-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

У Л И Ц А.

Вотъ уже годъ, какъ подружки соблазняютъ Соню сдѣлаться уличной. Понимаете, соблазняютъ!.. Сначала найдутъ охотника, который дастъ ей сто рублей, а потомъ она будетъ ходить съ подругами на Дерибасовскую...

Вы знаете Дерибасовскую? Ахъ, что эта за улица! Подруги рассказываютъ, что тамъ каждый вечеръ праздникъ, каждый вечеръ играетъ музыка, свѣтло, какъ днемъ,—даже свѣтлѣе,—мужчины такіе хорошенькіе, и такъ тамъ весело, что рассказать нельзя... И она уже почти рѣшилась. Надо только Цилѣ сказать, и та пойдетъ съ ней къ экономкѣ Полѣ. Что же дѣлать,—пойдетъ!..

Видите, она бы ни за что не согласилась, честное слово, ни за что, но... понимаете, тянетъ,—и другого ничего нѣтъ. Есть? Ну, что? Скажите! Ахъ, не говорите ей: „Иди на фабрику, на заводъ, въ мастерскую или ступай служить, или—это нехорошо...“ Развѣ вы не знаете, что и тамъ плохо? Вездѣ, вездѣ одно и то же.

Подруга Цилѣ работала на заводѣ, Ида—на фабрикѣ, Лиза—у портного, а чѣмъ кончили? Улицей... Онѣ сдѣлались уличными. Почему? Потому! Дѣвушкѣ только это и остается, и она тоже пойдетъ на улицу.

Соблазняютъ ее подруги; съ двѣнадцати лѣтъ ей проходу не даютъ женатыя и парни, и старики,—во дворѣ и на улицѣ ее преслѣдуетъ всякій, кто хочетъ,—сколько же она можетъ устоять? Вѣдь ей нѣтъ еще полныхъ четырнадцати лѣтъ!

Дома тоже плохо... Есть больной дѣдушка,—давно уже не зарабатываетъ—его надо кормить, есть слѣпая бабушка, она съ печи не сходитъ, и ее тоже надо кормить; мама торгуетъ лимонами... Понимаете, какъ это весело? А совѣтовъ мамѣ не даютъ? Только на-дняхъ сосѣдка Роза остановила маму и говоритъ ей:

— Идите-ка сюда, Марымъ, гордячка,—вы еще долго будете держать свою Соню на веревкѣ? Гоните ее, говорятъ вамъ,—чего вы ждете? Наслѣдства, или вы думаете, что явится богатый женихъ? Ступайте-ка сюда! Въ чемъ дѣло? Что такое? Гдѣ бьютъ? Кто кричитъ? Вы же не ребенокъ, славу Богу. Теперь, гдѣ есть дѣвушка,—тамъ счастье. Видите?.. Ну, посидите съ ней, поговорите, разсудите... Можетъ быть вы умнѣе ея и покажете другой выходъ. Она же не дуручка, и хотя ей только четырнадцать лѣтъ, но она пойметъ. Покажите ей дверь,—что дверь,—окошечко, щелку,—она сожмется и пройдетъ. Ахъ, вы не знаете?.. Она тоже не знаетъ.

А можете вы себѣ представить, какъ трудно устоять противъ соблазна? Она же не виновата, что ей пріятно ухаживаніе, что она любитъ, когда мужчины бѣгаютъ за ней, подстерегаютъ ее, говорятъ любезности... Въ прошломъ году она еще мучилась отъ этого, она убѣгала, пряталась, плакала, а

теперь нѣтъ... Это такъ интересно, такъ интересно!.. Что же она можетъ подѣлать съ собой?..

Бабушка укоряетъ ее за то, что она лакомка. Ну, какъ же не любить сладкаго? Научите, какъ... Она же не виновата, что ей нравится сладкое, что она бы все отдала за плиточку шоколада, за пирожное... И когда ее угощаютъ, она не можетъ отказаться. Она, кажется, могла бы съ утра до вечера ѣсть сладкое: варенье, конфеты, жареный миндаль, пряникъ... Что можно съ этимъ сдѣлать?

Полюбила она въ зеркало глядѣться... И этого тоже нельзя. Ахъ, оставьте, все нельзя, нельзя. Но ей же это нравится. Понимаете, неизвѣстно почему, но пріятно. У нея продолговатое лицо, надо же на него посмотрѣть. Лобъ у нея высокій и маленькія уши,—а она хотѣла бы, чтобы лобъ у нея былъ небольшой, а на щекахъ ямочки, какъ у Жюви. У нея тоненькій носъ, прямой, а она хотѣла бы, чтобы онъ былъ съ горбинкой, какъ у Цили. Ей такъ нравится носъ съ горбинкой... Зубы у нея ровные, бѣлые, только боковые испорчены,—но этого не видно... А знаетъ, что въ ней самое красивое? Глаза. Они у нея стыдливые, понимаете, грустные... Всѣ ей говорятъ: „Какіе у тебя хорошіе глаза, Соня...“ Волосы у нея свѣтлые, не очень длинныя, но густыя, а головные гребни некрасивыя, темно-коричневые, дешевенькіе. Ахъ, какіе хорошенькіе гребни купила себѣ на-дняхъ Ида, цвѣта кофе съ молокомъ... Только они дорогіе.

Сказать правду, изъ всѣхъ подругъ она больше всего любить Цилю, ту самую, у которой носъ съ горбинкой. Ей шестнадцать лѣтъ... Развѣ Цили плохая дѣвушка? Она уличная, у нея любовникъ Бенья Акерманскій,—и все-таки Цили

хорошая... Она содержитъ мать, Беню, сестру Женю. У нея есть двѣ шляпки, сакъ, ботинки на пуговицахъ. Вотъ какая Циля, и она ей немножко завидуетъ... Вѣдь у нея ничего нѣтъ... Двѣ старыя юбочки, плохонькіе ботинки, головной платочекъ—и все. Какъ же не завидовать? И всегда она голодная, понимаете, хочетъ сладкаго...

Къ Цилѣ ходятъ Ида, Лиза, Хаечка, Голда, Калиѳа, Маруся, Зося и другія... Развѣ онѣ плохія? Неправда, всѣ славныя, и каждой хорошо живется... Ахъ, она вспомнила. Знаете, какое имя ей дадутъ, когда она рѣшится? Маруся! Тамъ всѣхъ называютъ или Шура, или Маруся... А ей нравится Маруся. Она настоящая Маруся. Если бы вы ее увидѣли, сразу сказали бы: Маруся!

Уже стемнѣло, а Соня все сидитъ у окна и думаетъ, не можетъ оторваться отъ думъ. Ей кажется, что кто-то серьезный, умный сидитъ рядомъ, и она ему рассказываетъ, расспрашиваетъ, совѣтуется. Передъ ней разстилается большой дворъ, унылый, безмолвный... Въ глубинѣ деревянные ворота, а надъ дворомъ небо. Оно такое смутное, грустное, сѣрое, точно стая сѣрыхъ-сѣрыхъ птицъ.

Вотъ вспыхнулъ огонекъ у модистки Любы... У нея служила тринадцатилѣтняя Мотя, пробыла годъ, и ушла,—понимаете?.. Теперь у нея другая,—Оля. Оля сказала, что скоро бросить работать у Любы,—понимаете?..

Въ комнатѣ послышался стонъ. Соня оглянулась и тихо сказала:

— Перестань, дѣдушка, перестань. Что ты все стонешь? Я не могу тебѣ помочь и некому тебѣ помочь.

Вотъ вспыхнулъ огонекъ у лавочницы Фани. Ея племян-

ница... Понимаете? О комъ она ни вспомнить, все то же самое, то же самое.

Всѣ квартирки освѣтились. Во дворѣ стало темно, небо пропало, ворота пропали... Но тамъ у воротъ сидитъ Марчикъ,—подстерегаетъ ее... Онъ похожъ на грека, и дѣвушки его презвали Марчикъ-Грекъ... У него красивые черные усы, кончики ихъ онъ завиваетъ. Глаза у него, какъ двѣ большія черныя маслины. А какъ онъ цѣлуетъ! Поймаетъ,—не вырвешься. Но она его не любитъ. Вы думаете,—любитъ? Нѣтъ, нѣтъ! Она его боится. Дѣвушки о немъ такое рассказываютъ, что вспомнить страшно. Вы думаете, она его любитъ? Нѣтъ, нѣтъ!..

Теперь Соня смотритъ на черное небо, на яркія звѣзды, и такъ сладко сжимается у нея сердце. Она обхватила колѣни руками и качается всѣмъ тѣломъ, какъ будто кланяется кому-то или молится...

Вѣдь она выросла въ этомъ дворѣ. Здѣсь умеръ ея отецъ... Бабушка ей рассказывала, что у отца была лавка вотъ тутъ сейчасъ по дорогѣ къ рынку. Онъ былъ крѣпкій, здоровый, веселый человѣкъ, и очень любилъ ее. Бабушка часто носила ее въ лавку. Она уже и тогда любила сладости,—такъ бабушка рассказываетъ,—и все тянулась ручками къ большимъ стекляннымъ банкамъ съ красной карамелью...

Соня встала, сѣла подлѣ дѣдушки. Дѣдушка лежалъ на деревянномъ ящикѣ, строго вытянувшись во весь ростъ. Рваное одѣяло, которымъ его укрывали, сдвинулось, сползло на полъ, и онъ безпомощно двигалъ рукой, чтобы поднять его.

— Дѣдушка,—спросила Соня,—тебѣ больно? Гдѣ больно?

Здѣсь? Да? И здѣсь тоже? Что мнѣ дѣлать, дѣдушка? Хочешь, я зажгу лампу? Можетъ быть тебѣ отъ темноты хуже стало.

Вѣдь если бы не дѣдушка, она ничего не знала бы о Богѣ... Онъ научилъ ее молиться, и на ночь она всегда молится, потому что неизвѣстно, встанешь ли утромъ или умрешь во снѣ. Онъ училъ ее терпѣнію... Она его очень почитаетъ.

— Гдѣ наши спички, дѣдушка? У бабушки подъ подушкой? Тебя, дѣдушка, понять нельзя, когда ты говоришь

Тѣни побѣжали по стѣнѣ, поднялись къ потолку, наступились въ углахъ. Стекла въ окнахъ стали черными, полированными. Ничего не видно, что во дворѣ. Какъ будто она, дѣдушка и бабушка одни во всемъ мірѣ...

Какъ здѣсь скучно! Боже мой, если бы вы знали, какъ ей скучно, тоскливо. Душа ея рвется куда-то, чего-то сильно хочется, суеты ли, шума ли, музыки, а она должна здѣсь сидѣть... На Дерибасовской теперь весело, тамъ иллюзіоны, рестораны, красивые мужчины ищутъ дѣвушекъ. У каждого мужчины по тысячѣ рублей въ карманѣ.

Надо въ зеркало поглядѣться... Да, безъ дѣдушки она ничего не знала бы о Богѣ... У Жени ямочки на щекахъ, а у нея нѣтъ ямочекъ.

Она сѣла возлѣ бабушки и сказала громко:

— Бабушка, я лампу зажгла. Скажи что-нибудь. Знаешь, уже вечеръ.

— Вечеръ, такъ вечеръ,—отозвалась бабушка.—Все равно. А вотъ уже скоро пасха, и еще ничего не приготовили. Объ этомъ я весь день думаю. Картофеля не купили.

— Нѣтъ, бабушка не купили. Денегъ нѣтъ.

— И лука не купили.

— Лука тоже не купили, денегъ нѣтъ.

— И сала и яицъ не будетъ.

— Не будетъ, не будетъ,—не мучь меня. Не хочу я объ этомъ думать. Скажи что-нибудь другое.

— Хорошій будетъ праздникъ,—сказала бабушка, и вздохнула.—А когда ты родилась, твой отецъ только однимъ нищимъ роздалъ пять рублей, а теперь пасху нечѣмъ устроить.

— Зачѣмъ думать? — Кажется, это сказалъ дѣдушка.— Трудно было разобрать, что онъ говорить. Есть Кто-то постарше насъ,—Онъ и о пасхѣ подумаетъ. Вотъ увидите.

— Въ окно намъ бросить,—угрюмо сказала бабушка.—Я знаю!..

— А что, бабушка, если бы я вдругъ нашла на улицѣ двадцать пять рублей?—спросила Соня.—Вотъ ты машешь руками, а ты лучше отвѣть. Ахъ, не люблю я ссориться, спорить... Ну, вдругъ нашла бы, понимаешь? Не будемъ разговаривать, если такъ. Я тебя спрашиваю, а ты отвѣчаешь: „не можетъ быть“. Нѣтъ, можетъ быть, можетъ быть! Я даже пятьдесятъ рублей могу найти, даже сто.

Понимаете, бабушка не вѣрить, но ничего, повѣрить, когда она съ Цилей отъ Поли вернется... Она такую пасху устроить, что ее десять лѣтъ будутъ помнить. Купить дѣдушкѣ новый картузь, мамѣ—новую кофту, бабушкѣ—головной платокъ, а себѣ—кофточку и медальончикъ...

Скоро пришла мать, низенькая, усталая женщина. Отъ нея пахло рынкомъ... На человѣка она не была похожа.

Двигалось что-то по комнатѣ, закутанное въ красныя, зеленныя, сѣрыя тряпки. Она сказала сиплымъ, простуженнымъ голосомъ: „Добрый вечеръ“—и сразу стало страшно въ комнатѣ, какъ будто сама нищета заползла сюда. Корзинку съ лимонами она поставила въ углу, и, ни къ кому не обращаясь, попросила чаю.

— На улицѣ, Сонечка, такъ сыро, что камни жалуются... Знаешь, Сонечка, что бы я съѣла теперь? Кусочекъ теплаго мяса, хоть вчерашняго, какого хочешь.

Понимаете, хоть вчерашняго... Нѣтъ, каждый день у нихъ будетъ мясо. Она выбросить корзинку съ этими грязными лимонами и скажетъ мамѣ:

— Сиди уже, мама, дома. Довольно ты съ корзинкой ходила.

Развѣ мама была красивая? Кто похвалитъ? А бабушка рассказываетъ, что она была крѣпкая, полная, какъ хорошее тѣсто. Она была похожа на куклу, и отецъ называлъ ее: „Кукла моя, кукла моя...“

— Пойду принесу тебѣ, мама, кипятку,—сказала Соня взявъ чайникъ.—Что ты не сядешь? Дѣдушкѣ опять хуже.

Она вышла изъ комнаты. На дворѣ темно. Только бы Марчикъ-Грекъ не тронулъ ее. Ну, пусть цѣлуетъ, Богъ съ нимъ, все равно. Погляжу къ Цилѣ въ окно. Цили одѣвается, а Женька заговариваетъ съ Зунькой Молдаваномъ. Зуньку Молдавана я не люблю, я его терпѣть не могу... Съ нимъ и за миллионъ рублей я не согласилась бы... Беня пьетъ чай... Всегда у Цили весело!..

Вотъ она въ комнатѣ... Достала стаканы, зазвенѣла ими...

— Пей, мама, пей, согрѣйся!..